

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭПОС ГРУЗИИ

Опера Захария Палиашвили «Абесалом и Этери» вошла в золотой фонд советских многонациональной культуры. Более 50 лет она не сходит с оперных сцен страны, исполняется на грузинском, русском, украинском и других языках. И не удивительно, что в канун 50-летия образования СССР Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова обратил именно к этому произведению.

Написанная на сюжет эпического сказания «Этериана», опера З. Палиашвили отразила неповторимость народных характеров, вечные темы победы добра над злом, любви над смертью, душевного благородства над предательством.

Музыка Палиашвили глубоко самобытна. Национальная определенность музыкального языка особенно ярко раскрывается в хоровых сценах, в которых композитор обращается к народно-песенным жанрам. В музыкальной характеристике лирических персонажей композитор опирается на опыт общеевропейской оперной культуры, оставаясь вместе с тем художником ярко индивидуальным.

Совмещение ораториального и лирико-драматического начал и составляют главную трудность в постановочном решении оперы. Постановщик спектакля Р. Тихомиров наиболее удачно первая линия. Впечатляет декоративное оформление оперы, выполненное художником И. Севастьяновым с использованием мотивов народной чеканки.

Яркое воплощение получила сцена торжества во дворце царя Абыго по случаю бракосочетания молодых. Заздравные и величальные хоры, застольные песнопения передают многообразную красочную палитру грузинского многоголосья (хормейстеры А. Мурин, В. Шиндер, Л. Тепляков). Эффектно расположены хор и статисты, воспронизывающие церемонию свадебного обряда. Пышный постановочный стиль здесь не противоречит музыкально-образному содержанию действия. Заздравные хоры сменяются торжественным шествием, благословение новобрачных — веселой канцонеттой. Темпераментны и

«Абесалом и Этери»
З. Палиашвили — на сцене
Ленинградского театра
оперы и балета имени
С. М. Кирова.

«Леури» в постановке А. Павловского и А. Дзедладзе дополняет эту праздничную обстановку. Кан корифея хора, в строгой ораториальной манере проводит партии царя и царицы Н. Охотников и Л. Филатова.

Драматической кульминацией оперы служит третья картина (второй акт): ликование свадебной сцены противопоставлено траурной картина прощания с Этери. Трагическая, скорбная окраска хора «Солнце померкло» продолжается в жалобных причитаниях, а затем в выразительном жесте — вершине музыкально-драматического мастерства З. Палиашвили. Статичность поз солистов и хора еще больше подчеркивают напряженность ситуации, предвещающей трагическую развязку.

Другое дело — лирические и лирико-драматические картины, требующие более гибких, подвижных мизансцен.

В экспозиции оперы и в момент развязки есть какие-то неуверенность и несогласованность в сценическом поведении героев. Попытка показать хор охотников в движении разрушает стройность его звучания. Здесь режиссерская трактовка ряда эпизодов нуждается в дополнительной разработке и уточнении. Возможно, постановочный «кюль» этих картин пока не найден в связи с произведенными сокращениями и изменениями. Ведь произвольное «перекармливание» законченного художественного произведения обычно нарушает логику его музыкально-образного развития. Особенно пострадал финал оперы. И хотя именно здесь раскрывается прекрасное вокально-драматическое дарование Л. Филатовой и сцена-дуэт царицы с Этери является музыкальной кульминацией действия, трагическая гибель героев выглядит недостаточно мотивированной.

Исполнители положили не-

мало труда в освоении нового для них музыкального стиля. Своеобразная мелодия З. Палиашвили, ее притягательная ритмика и весь эмоционально-образный строй произведения иной национальной культуры представляли определенные трудности даже для такой высококвалифицированной труппы. Во многом они преодолены, в чем бесспорна заслуга музыкального руководителя главного дирижера театра К. Симеонова. Но все же работа над выразительным осмысленным интонированием еще не закончена. Это ощущается даже в исполнении главных партий.

Молодой певец К. Плужников, обладающий красивым голосом, не избегал эмоционального «нажима» в партии Абесалома. Он поет только свою партию, нисколько не заботясь об общем ансамбле спектакля. Особенно это относится к знаменитой арии «Счастья жаждая».

В противоположность партнеру Н. Шубина — Этери чрезмерно статична.

Мурман в исповедании И. Калашина — это своего рода Яго, своими поступками разрушающий счастье влюбленных и несущий им гибель. Коварный и сильный соперник Абесалома, он служит как бы драматической пружиной в развитии действия. Мурман — И. Калашин действительно таков. Выразительно звучат его арии «Гаснет в небе даль», «Солнце» и клятва в конце сцены.

Партитура оперы очень колоритна. Специфика и тембровая окраска многих тем служит как бы дополнительной характеристикой образов. Это ощущается и во вступлении к опере, и в музыке танцев, и в других симфонических фрагментах.

Дальнейшее совершенствование спектакля позволит опере З. Палиашвили занять достойное место в репертуаре ленинградского театра.

Л. ДАНЬКО,
кандидат искусствоведения,
доцент Ленинградского института культуры
имени Н. К. Крупской.

На снимке: сцена из оперного спектакля «Абесалом и Этери».

Фото О. Миронца.